

Типология активности личности

Психологический журнал Том 6 №5 1985

Актуальная задача современного этапа общественного развития, «главные лозунги момента... — это творческий труд, единство слова и дела, инициатива и ответственность, требовательность к себе и товарищам» [2]. В решении этой задачи немалая роль принадлежит психологии, которая изучает активность личности, раскрывает научно обоснованные пути ее формирования. Активность личности детерминируется общественными отношениями, социальной позицией личности, обращенными к ней общественными требованиями и нормами.

Как связываются нормы, требования, обязанности, возлагаемые обществом на личность, и ее активность, какой должна быть эта связь, чтобы активность приобрела не формальный, а творческий, инициативный характер, — это социальная, психологическая и собственно философская проблема. «Только тогда, — писал К. Маркс, — когда внешние цели теряют видимость всего лишь внешней, природной необходимости и становятся целями, которые ставит перед собой индивид, возникает "действительная свобода"» [1].

В психологическом плане активность может рассматриваться как выражение и способ осуществления высших жизненных потребностей личности — в занятии определенной позиции в обществе, в общественном признании, в объективации (в труде), в самовыражении. В этом качестве активность является выражением и осуществлением субъективных отношений личности к миру [5]. Несомненно, что личность инициативна, активна там, где речь идет об удовлетворении ее потребностей, мотивов, желаний. Но не всегда потребности, мотивы, желания и в целом активность личности совпадают с требованиями, предъявляемыми ей обществом, хотя потребности личности формируются обществом. Поэтому возникает проблема присвоения и активного осуществления личностью необходимости, т. е. проблема ответственности.

Последняя очень широко исследована психологами как в моральном аспекте (Пиаже, Кольберг, Хелкама и др.), так и в аспекте причинности (Хейдер и др.). Ответственность определяется как регуляция поведения, на основе предвидения его последствий. Ответственность рассматривается как чувство, присущее личности [8]. Нам представляется актуальным аспект ответственности, совпадающий с понятиями личного и общественного долга, определение ответственности как присвоения внешней и осуществления внутренней необходимости.

Основной гипотезой данного исследования было предположение, что критерием полноты принятия личностью ответственности может служить согласование необходимости с желаниями и потребностями личности, т. е. возникновение инициатив, выход за пределы требуемого. Только на первый взгляд инициатива выступает как свободная и в этом смысле противоположная ответственности и необходимости форма активности. На основе известного марксистского положения о свободе как осознанной необходимости мы предполагаем, что необходимость присваивается не только в форме ответственности, но и вырастающей на ее основе инициативы.

Для доказательства этой гипотезы мы выявляли внешние и внутренние условия перехода ответственности в инициативу на двух моделях: ответственности, взятой в силу внутренней и в силу внешней необходимости. Дополнительная гипотеза состояла в том, что внутренняя потребность,

необходимость во взятии на себя ответственности возникает прежде всего, когда субъект начинает осуществлять собственные инициативы. Поэтому в первой части исследовалась модель перехода от инициативы к ответственности и обратного влияния ответственности на исходные инициативы. Во второй части создавалась модель внешней необходимости и условия перехода от ответственности к инициативе. Если бы было доказано, что инициатива может вырастать на почве ответственности как признак ее добровольного принятия, как выход за границы необходимого, то было бы очевидно, что ответственность — это полностью присвоенная, т. е. отвечающая потребностям субъекта необходимость.

Важным критерием ответственности является осуществление необходимости своими силами, самостоятельно в соответствии с требованиями, предъявляемыми к самому себе. Для выявления степени принятия ответственности в обеих частях исследования естественный эксперимент строился так, что вводилось социально-психологическое окружение: испытуемые имели возможность действовать, опираясь на свои силы, или прибегать к помощи окружающих. Этот же параметр замерялся и при выявлении направленности и характера инициатив — направлены ли они на публичность, успех в глазах окружающих. Он обозначался как социально-психологическая направленность инициатив, что использовалось как рабочий термин, не имеющий ничего общего с понятием направленности личности. Во второй части исследования критерий самостоятельности модифицировался в критерий уверенности в своих силах. Он подлежал более критической интенсивной проверке; социально-психологическое окружение было уже не нейтральным (как в первой части), а выступало с критикой или одобрением, имевшими целью вскрыть степень уверенности, подкрепить ее, поколебать и т. д. Так как одобрение и критика осуществлялись безотносительно к реальной успешности деятельности, то можно было выявить степень уверенности субъекта и его ориентацию на внутренние или внешние критерии.

Показателем соответствия необходимости потребностям личности может служить ее удовлетворенность. Известно, что удовлетворенность связана не только с получением того или иного результата, но и с тем, что он достигнут своими силами, путем преодоления трудностей, т. е. с соответствием и всей деятельности, и ее результата определенным критериям, устанавливаемым личностью. Поэтому удовлетворенность, оценку результата, достижений соотносят с исходными притязаниями личности (Хоппе). Однако между притязаниями и достижениями как начальным и конечным моментами деятельности находится самый процесс и способ ее осуществления, который часто упускается из виду. В самом общем виде он может быть назван процессом саморегуляции. Его важнейшей характеристикой в связи с анализом ответственности является то, что в своих притязаниях личность выдвигает требования не только к ожидаемому успеху, но и к самой себе, уровню, качеству активности при осуществлении деятельности.

Таким образом, удовлетворенность соотносится не только с исходными потребностями и притязаниями личности на успех; но и с представлением о своих возможностях его получения, а также с определенными требованиями к собственной деятельности. Выдвигая требования к собственной деятельности и определяя соответствующие критерии, личность оценивает соответствие-несоответствие усилий результату, ценность результата — системе других ценностей, уровня трудности — притязаниям и т. д. Именно поэтому личность не удовлетворяется чрезмерно легкой деятельностью. В процессе саморегуляции личность дозирует свои усилия с позиций того, каких усилий в целом заслуживает данная деятельность, а не только относительно с ожидаемым результатом. Она притязает на определенный уровень трудности деятельности согласно своим

представлениям о масштабах своих способностей, расширяет и сужает задачи деятельности в соответствии с этими ценностными критериями и т. д.

Соотношение саморегуляции с притязаниями и достижениями, удовлетворенностью личности исследовалось как целостное интегральное образование, которое рассматривалось как типологическая характеристика личности, ее активности. В силу того что единство и соотносительность ее составляющих осуществляются на ценностной основе, она получила название семантического интеграла. Так, например, характеристика уверенности-неуверенности рассматривалась не сама по себе, а соотносительно с уровнем притязаний, уверенность выступает как самоуверенность в результате завышенных притязаний и самооценок и т. д.

Семантический интеграл как метод позволяет выявить не нормативную модель активности, а определять ее тип или профиль. Типологический подход явился единым методом исследования, примененным и к переходу от инициативы к ответственности (в первой части), и к переходу от ответственности к инициативе (во второй), но в последней уже на основе семантического интеграла. В первой части исследования были выявлены общие критерии, по которым может проводиться анализ ответственности, и на их основе построена типология. Во второй части на основе учета семантического интеграла оказалось возможным выявить разнообразие механизмов ответственности. Раскрылись парадоксальные механизмы активности, при которых стремление к успеху может вести к росту внутренней неуверенности, стремление к самостоятельности проявляется в желании заявить о себе и приводит к ее потере при саморегуляции и т. д. Однако важно понять эти парадоксы и противоречия не как варианты патологических «барьеров» и «защит», а как варианты несовпадения субъективных и объективных параметров деятельности, неоптимальных для личности психологических способов ее связи с миром, как несовпадения активности и деятельности. Можно предположить, что в этих случаях ответственность выступает совсем в иной функции. Она не является стремлением и тенденцией личности к присвоению необходимости. Она устанавливает некоторый баланс существования личности, не доводящий ее до грани патологии, хотя в самой психологической структуре личности возможны внутренние противоречия, хотя активность приобретает парадоксальный профиль и т. д.

Акцентуированный подход, отнюдь не перенося на почву общей психологии проблемы патопсихологии личности, открывает тем не менее возможность обсуждения проблем адекватности-неадекватности, сбалансированности-несбалансированности активности личности [7]. В этом аспекте ответственность может рассматриваться как общая тенденция личности к коррекции этих несоответствий, противоречий для осуществления существования в условиях необходимости.

Метод семантического интеграла, состоявший в замере притязаний, характера саморегуляции (уверенности, ее критериев и т. д.) и удовлетворенности, был использован как метод выявления внутренних механизмов принятия ответственности, разной меры ее принятия. Метод семантического интеграла использовался как адекватный не нормативной структуре активности (имеются в виду ее среднестатистические определения), а ее многомерной структуре.

При построении экспериментальной модели мы опирались на данные Харви и др. [14], утверждающего, что при исследовании ответственности важно обеспечить свободу субъекта, которую мы определили как добровольность ответственности. Чтобы в условиях эксперимента исследовать потребность взятия на себя ответственности, ее добровольность, а не вынужденность, мы

поставили субъекта в ситуацию, где он первоначально становился субъектом совершенно свободной формы активности—инициативы. Основная исследовательская задача состояла в том, чтобы установить, предусматривает ли субъект на стадии свободной инициации себя как ответственное за исполнение инициатив лицо.

Если ответственность обеспечивает необходимость завершения, получения результатов, предвидение последствий и т. д., то инициатива выступает как целеобразующее начинание, свободное от интенции на результат. Далее, ответственность всегда предполагает своего субъекта — ответственное лицо и вводимые им критерии самоконтроля, достижения результата. Инициатива исходит от субъекта, однако она может быть безадресна (не предполагать никакого исполнителя, предполагать любого, но не меня и т. д.). То, что субъект инициативы хочет сделать ее достоянием гласности, отнюдь не означает, что он хочет стать ответственным за выполнение своей инициативы.

Ответственность — это самостоятельное, добровольное осуществление необходимости в границах и формах, определяемых субъектом. Она выступает как идеальное моделирование субъектом ответственной ситуации, ее пределов и уровня сложности.

Субъект ответственности вводит критерии, по которым ограничивается поле активности и идет контроль. И инициатива и ответственность рассматривались как разные формы моделирования внутреннего и внешнего пространств активности и деятельности посредством введения определенных критериев.

Методика эмпирического исследования заключалась в проведении естественного эксперимента, в котором группа лиц сначала выступала в качестве авторов определенного рода инициатив: они предлагали короткие сюжеты или замыслы для постановки на сцене. Тем самым создавалась ситуация, при которой ответственность за постановку этого замысла была бы максимально добровольной, отвечала бы собственной инициативе. Затем авторам замысла предлагалось стать его ответственными постановщиками. Этот момент был критическим для эксперимента, так как выявлял однозначно, предполагали ли себя авторы инициатив в качестве ответственных за постановку лиц. Отказ от роли режиссера служил показателем полного непринятия ответственности. Тем самым выявлялось то, как авторы инициатив становились ответственными исполнителями, т. е. условия перехода от инициативы к ответственности. Кроме зрителей, выступавших в качестве социально-психологического окружения, к помощи которого могли прибегать постановщики, в эксперименте участвовало жюри. Члены жюри оценивали сложность-простоту и другие параметры инициатив (по рекомендации экспериментатора), следили, прибегали ли режиссеры к помощи, подражанию, консультациям. Они фиксировали, как изменялись первоначальные замыслы после взятия ответственности за их постановку. Испытуемыми были студенты гуманитарных вузов.

На основании качественных характеристик инициатив — преобладания в замысле интереса к предметно-содержательной стороне (содержанию и развитию сюжета) или ориентации на успех, притязания на оригинальность, публичность — выделились две большие группы. В первой группе обозначились два типа по следующему основанию: конструктивности-неконструктивности (т. е. пригодности замысла сюжета для постановки) и проблемности (параметра, противоположного некоторому образно-эмпирическому описанию сюжета). Первый, гармонический тип сочетал конструктивность с проблемностью, а у второго проблемность преобладала над конструктивностью.

Вторая группа на этой стадии выдвижения замыслов осталась далее недифференцированной.

В самом начале второй фазы эксперимента после предложения реализовать свои замыслы на сцене произошло дальнейшее подразделение двух выделившихся в первой фазе групп на четыре по следующему критерию. Этот важнейший факт, полученный в естественном эксперименте, и одновременно критерий для построения типологии, заключался в том, что одни лица, выдвигая инициативы, уже предполагали себя ответственными исполнителями своих замыслов. Для других это было полной неожиданностью, вызвало отказы. Этот критерий был условно назван идентификацией субъекта инициативы с субъектом ответственности.

При осуществлении замысла на стадии ответственного исполнения выделялся и фиксировался еще один критерий — усложнение или упрощение, угрубление замысла при постановке. Этот критерий был показателем полноты присвоения ответственности, ее перехода к инициативам путем их расширения, выхода за пределы необходимого. Этот критерий оказался симметричным исходному делению на две группы: лица с предметной направленностью усложняли замысел, лица с ориентацией на успех, гласность его упрощали.

Последний критерий, как уже говорилось, заключался в самостоятельности (опоре на свои силы и критерии) или несамостоятельности при реализации замысла (обращение к зрителям, подражание другим «режиссерам», консультации и т. д.). Группа с предметно-содержательной ориентацией замысла проявила самостоятельность. А по степени несамостоятельности четыре группы поделились на шесть.

Построенная таким образом типология обнаружила следующие различные формы связи инициативы и ответственности и влияния ответственности на исходные инициативы.

Наиболее оптимальной была связь инициативы и ответственности у гармонического типа, поскольку она осуществлялась по субъектному основанию (через идентификацию субъекта инициативы с ответственным исполнителем), по когнитивному основанию (так как инициатива была проблемной), а также по конструктивности замысла. Иными словами, эта связь реализовалась сразу по ряду оснований.

У продуктивного типа отсутствовала идентификация через субъекта; выдвигая замысел, он не подразумевал себя ответственным исполнителем, однако брал на себя ответственность в силу увлеченности исходной проблемностью замысла и ему удавалось сохранить единство инициативы и ответственности на проблемно-когнитивной основе.

Рефлексивный тип, как это свидетельствует уже из его названия, обладал гипер-ответственностью, повышенным контролем, самокритичностью. Его ответственность была развитым качеством личности, поэтому определила и в известной мере погасила его инициативы. Хотя он идентифицировал себя с ответственным исполнителем, но на стадии осуществления замысла упрощал свои и без того неярые инициативы; он проявил несамостоятельность, обращаясь к оценкам зрителей, ища их одобрения, хотя ни к подражанию, ни к инструкциям не прибегал.

Исполнительский тип также обладал ответственностью и идентифицировал себя с ответственным исполнителем, однако проявил несамостоятельность на стадии ответственного исполнения, прибегая к подражанию и инструкциям.

Функциональный тип не имел идентификации, однако его ориентация на социально-психологическое окружение имела позитивный результат на стадии ответственного исполнения; он легко отказывался от самостоятельности, обращался за готовой инструкцией, искал конструктивное решение и заимствовал его извне. Отсутствие идентификации через субъекта способствовало отказу от

самостоятельности в момент ответственности. Однако этот тип проявлял активность при реализации готового решения, т. е. обнаруживал продуктивность.

Созерцательный тип на стадии инициатив отличался сложностью-неконструктивностью замысла, не идентифицировал себя с ответственным исполнителем и не проявил самостоятельности, прибегая к сравнению с другими.

Функциональный и созерцательный типы представляют два противоположных исхода для группы с отсутствием идентификации или проблемной связи: функциональный тип продуктивен в силу активного использования инструкций на стадии ответственного исполнения. Созерцательный тип непродуктивен. Рефлексивный и исполнительский типы при наличии идентификации, даже опережения ответственностью инициативы погашают свою инициативу. У одного это происходит в силу гиперответственности, у другого в силу формальности ответственности, а также отсутствия самостоятельности.

Созерцательный тип не может сбалансировать разрыв инициативы и ответственности, оставаясь пассивным на стадии исполнения; обращаясь к сравнению, он не может придать исполнению конструктивный характер. По-видимому, эти разные исходы — продуктивность-непродуктивность — объясняются неодинаковой ролью социально-психологической ориентации, которая выявилась уже на стадии инициативы—замысла. У рефлексивного и исполнительского типов социально-психологическая ориентация вступила в противоречие с их ответственностью, чем они фактически и погасили друг друга.

У созерцательного типа его социально-психологическая ориентация выступает в форме яркого желания заявить о себе; это проявляется в оригинальности и сложности замысла, но такое проявление «Я» погашает возможность реализовать модели, взятые от других; этот тип прибегает к сравнению, однако оно остается столь же созерцательным, как и его замысел.

Эти данные позволяют предположить, что наиболее глубоким, коренным основанием связи инициативы и ответственности является связь через идентификацию субъекта инициативы с субъектом ответственности, т. е. через субъекта. Однако если эта идентификация приходит в противоречие с социально-психологической ориентацией и, кроме того, в противоречие с характерологией личности (рефлексивный тип погашает себя самоконтролем, а исполнительский — полной несамостоятельностью, формальностью самоконтроля), то действие идентификации нивелируется. Более того, связь инициативы и ответственности феноменологически развертывается по парадоксальному типу: опережая инициативу, ответственность погашает и инициативу и ответственность.

Однако при отсутствии этого коренного основания (через идентификацию субъекта) связь инициативы и ответственности все же может осуществляться по когнитивному основанию, что свидетельствует о его значительной роли. У продуктивного типа отсутствует идентификация через субъекта и связь инициативы и ответственности осуществляется через предметно-содержательное, объективное основание, но при условии его проблематизации субъектом.

Однако продуктивность достигается и при отсутствии субъектной, и при отсутствии объектной форм связи, т. е. фактически (и феноменологически и по существу) при отсутствии связи инициативы и ответственности. На первый взгляд этот факт опровергает первый вывод о роли идентификации как решающего фактора. У первых двух типов (хотя у одного имеется, а у другого — продуктивного — отсутствует идентификация) и инициатива и ответственность выступают как автономия и самообеспечение субъекта. Как говорилось выше, самообеспечение присуще ответственности, здесь же самообеспечение

перерастает в автономию за счет связи инициативы и ответственности. У гармонического типа степень сцепления инициативы и ответственности более всесторонняя и плотная (она идет и по когнитивному и по субъектному основанию, у продуктивного — она более односторонняя — носит только когнитивный характер).

У функционального типа инициатива не связана с ответственностью, поскольку последняя не является реализацией собственной инициативы. На стадии ответственности этот тип полностью отказывается от автономии, т. е. целиком переключается на социально-психологические опоры и активно заимствует готовые решения. Его ответственность теряет характер личной ответственности, но он не теряет при этом активности, поскольку активно реализует чужое готовое решение. Естественно, что эффективность готового социального опыта, на который он вдобавок так активно опирается, может соперничать по продуктивности с индивидуальной автономной инициативой и ответственностью.

В первой части исследования ставилась и другая задача: проследить, как принятие ответственности за реализацию первоначальной инициативы оказывает обратное воздействие на нее — на упрощение или усложнение замысла.

Критерий усложнения или упрощения замысла позволяет понять некоторые более интимные механизмы связи инициативы и ответственности: упрощение замысла — свидетельство известной противоречивости инициативы и ответственности. Инициатива расширяет моделируемое пространство. Однако если при этом отсутствуют конструктивные критерии, если не происходит проблематизация (или категоризация), то приходящая вслед за ней ответственность требует четких критериев для саморегуляции и самоконтроля, иначе личность вынуждена сузить моделируемое пространство активности. Некоторые лица механически отсекают части замысла, другие — угрубляют его семантические единицы. Фактически они не могут освоить ответственностью собственную инициативную идею и, угрубляя ее, относятся к ней как к чужой. Такое отношение возникает в силу отсутствия идентификации и «анонимного» характера инициативы: сразу формулируется безадресный, не обращенный к самому себе замысел. Но если идентификация имеет место (как у рефлексивного типа), такое угрубление и ограничение выступают уже в качестве внутреннего конфликта с самим собой.

Угрубление замысла на первый взгляд выступает как сугубо семантическая когнитивная процедура. Однако по своему содержанию она аналогична иной по своей феноменологии процедуре — обращению к социально-психологическим опорам на стадии ответственности (подражание, сравнение, оценка, инструкции). И только при сравнении эти процедуры (повторяем: феноменологически различные) выступают в своем подлинном психологическом содержании: ответственность строит внутренние или внешние опоры, ищет критерии саморегуляции во внутреннем или внешнем (социально-психологическом) пространстве. В обоих случаях ответственность проявляется в форме самоограничения, если она не строится на гармонической связи с собственной инициативой. В первом случае ограничиваются собственные инициативы, во втором — самоограничение состоит в сужении самостоятельности на стадии ответственности. По определению, ответственность — это самообеспечение и самостоятельность в достижении результата своими силами. Обращение к социально-психологическим подлкам (подражанию, инструкции), которое предпринимает сам субъект, выступает как свидетельство его несамостоятельности, зависимости, что вскрывает противоречивый характер его ответственности. Самоограничение, выступающее в обеих, внешне столь

различных формах, есть свидетельство не полной ответственности субъекта, не полной самостоятельности. Однако путь сужения пространства инициатив все же сохраняет автономию, тогда как обращение к социально-психологическим подпоркам есть возложение ответственности на внешние опоры, т. е. частичная утрата автономии.

Признаком утраты личностью автономии является характер инициатив, проявляющихся в виде притязаний личности на публичность, гласность, оригинальность. Желание заявить о себе противоречиво оборачивается неспособностью самостоятельно реализовать свой замысел. Напротив, сохранение автономии проявляется в противоположной тенденции: в том, что ответственность может расширять пространство активности, вводя новые критерии и уровни сложности. Однако действие идентификации через субъекта может нейтрализоваться другими факторами, что на первый взгляд противоречит ее определению как самого коренного способа связи инициативы и ответственности. Но это противоречие устраняется, когда мы сравниваем разные типы идентификации: это сравнение показывает, что связь инициативы и ответственности через установку, т. е. только через желание самому реализовать свою инициативу, — это психологически более слабая форма идентификации, чем та, при которой установка сочетается со способностью к ответственной реализации. На основе установочной идентификации возникает противоречивость ответственности: готовность к ответственной реализации замысла при потере самостоятельности (благодаря социально-психологической ориентации) ведет к утрате автономии на стадии ответственного исполнения.

Таким образом, инициатива и ответственность и различные формы их связи предстают как разные способы моделирования пространства активности (проблемно- или личностно-конструктивные) с преобладающим использованием внутренних или социально-психологических критериев, опор и т. д. Смена инициативной позиции на ответственную дает возможность выявить типы их связи. Гармоническое и продуктивное сочетание инициативы и ответственности позволяет личности полностью сохранить свою автономию при высоком уровне активности. Противоречивые формы связи инициативы и ответственности погашают, понижают уровень активности личности и лишают ее самостоятельности. Отсутствие внутренней связи инициативы и ответственности ведет к активной интернализации готовых внешних моделей, правил и т. д.

С целью исследования перехода ответственности в инициативу во второй части исследования моделировалась такая ситуация, в которой ответственность предшествовала инициативе. В этой ситуации инициатива могла проявиться только как расширение границ необходимого и достаточного, принятого ответственностью. В первой серии использовалась модель произвольной, осуществляющейся по инициативе субъекта деятельности. Во второй серии использовалась модель необходимой деятельности: в ней субъект берет на себя ответственность и сначала ограничивает контур активности пределами необходимости, а затем, в случае уверенности в достижении результата, вводит элемент инициативы. Вторая модель приближается к модели общественно необходимой трудовой деятельности. Однако и в случае реальной трудовой деятельности, и в нашем естественном эксперименте необходимость не исключает и не подавляет активности субъекта. Мера принятой необходимости проявлялась в появлении на ее основе инициативы. Мы предположили, что субъект ответственности пойдет на инициативное расширение контура активности только при наличии определенного уровня уверенности в достижении результата своими силами. Эта уверенность в целом должна быть, по нашему предположению, показателем принятой необходимости. Но предварительно мы

выявляли установку на успешность-неуспешность результата деятельности, поскольку именно эта установка могла целиком определять уверенность. Мы выявляли эту установку, которая была одновременно выражением притязаний личности, в момент взятия на себя ответственности за исполнение — при получении всеми режиссерами задания поставить сцену из спектакля.

При моделировании ситуации эксперимента мы исключили по сравнению с первой серией возможность подражания друг другу, но сохранили присутствие и оценки зрителей. Однако для выявления того, на внешние или внутренние критерии опирается личность в своей уверенности мы, во-первых поставили всех в ситуацию, где их деятельность оценивается независимо от того, есть (или нет) в этом потребность постановщика (в первой серии только некоторые обращались сами к поддержке зрителей); во-вторых, мы использовали ситуацию такой ролевой игры, где зрители одобряют или не одобряют постановщика безотносительно к реальной успешности-неуспешности его деятельности. Таким образом можно было выявить, опирается ли личность на внутренние критерии успешности (и тогда она способна противостоять критике) или, напротив, обращается к социально-психологическим поддержкам и критериям.

Удовлетворенность-неудовлетворенность результатами мы выявляли через восприятие справедливости-несправедливости оценок жюри соотносительно с самооценкой своих достижений. Таким образом, фактически моделировался весь семантический интеграл активности личности: характер ее притязаний — установка на успех-неуспех, уверенность-неуверенность по критерию противостояния собственных оценок оценкам (одобрению-неодобрению) зрителей, наконец, удовлетворенность-неудовлетворенность своими достижениями в свете справедливости-несправедливости оценок жюри конкурса, а также в свете объективного успеха-неуспеха.

Таким образом, исследование перехода ответственности в инициативу осуществлялось в единстве с исследованием семантического интеграла активности личности. Все исследование носило типологический характер.

Эксперименты показали, что взятие на себя ответственности ведет к повышению роли установки на успех-неуспех, т. е. предвосхищению результата деятельности. Чрезвычайно существенно то, что ответственность брали на себя даже те лица, которые имели установку на неуспех, т. е. ответственность — более глубокое понятие, чем притязания, она возникает не только при мотивации достижения, но и при мотивации поражения. Это подтверждает нашу гипотезу, что ответственность — это предъявление требований к себе: они повышаются, если возникает возможность неуспеха.

Введение двух критериев ответственности — обращения к инициативам, т. е. расширение ответственного контура деятельности, и уверенности — принятия-непринятия социально-психологических оценок (одобрения-критики) — позволило выявить факт роста и выхода активности за пределы заданного необходимою. Инициатива расширяет контур деятельности в отличие от первой серии экспериментов, что свидетельствует о принятии ответственности. Варьирование второго критерия показало, что если инициатива гармонично сочетается с ответственностью, то личность может противопоставить свои критерии одобрению-неодобрению окружающих. Но негармоничная или противоречивая связь инициативы и ответственности приводит к неуверенности, которая и проявляется в неспособности противопоставить свои критерии успешности окружающим.

Однако вопреки нашему первоначальному предположению, что расширение инициативой контура ответственности будет происходить только при сбалансированности саморегуляции, при четкости ее критериев, выдвижение

инициатив имело место и как уход от ответственности. Действительная реализация задания подменялась нереалистическими замыслами, а его ответственное исполнение — желанием навязать свой замысел вопреки действительному ходу вещей. Такое сочетание инициативы и ответственности было присуще лицам с установкой на успех. Более того, эти лица испытывали удовлетворенность и при неуспехе и обвиняли жюри в несправедливости оценок. Это вполне отвечает данным о возложении ответственности [10, 11, 13].

Удовлетворенность-неудовлетворенность не однозначно связана с успехом-неуспехом: у одних лиц успех не вел к удовлетворенности, у других неуспех не вел к неудовлетворенности. В целом удовлетворенность-неудовлетворенность зависит и от установки на успех-неуспех, и от уверенности, ведущей к расширению необходимого желательным посредством инициативы.

Установка на поражение ограничивает и фиксирует личность только в контуре ответственности, т. е. повышает функции саморегуляции, самоконтроля, но блокирует свободную активность, т. е. инициативу. Эти лица проявляют уверенность только в том, что противостоят критике окружающих, что еще не свидетельствует о надежности критериев саморегуляции. Другая группа с той же установкой на поражение, не имеющая инициатив, одновременно снижает способность к саморегуляции, проявляет неспособность противостоят оценкам окружающих.

При установке на неуспех четкость внутренних критериев дает возможность развести неуспех и неудовлетворенность: и при неуспехе эти лица были удовлетворены тем, что они правильно действовали, а неудачу приписывали действию внешних обстоятельств. При установке на успех и отсутствии гармонической связи инициативы и ответственности группа лиц удовлетворялась одобрением окружающих при явном для себя неуспехе. При установке на успех и гармоничном сочетании инициативы и ответственности личность противопоставляла мнению окружающих собственные критерии успеха.

У лиц с отсутствием инициативы и понижением саморегуляции одобрение окружающих вводило социально-психологические опоры в контур деятельности и повышало уверенность или было нейтрально. Далее, по параметру связи уверенности-неуверенности с одобрением-критикой окружающих выделились два парадоксальных типа: один из них становился более уверенным, чем больше была критика, т. е. противостояние критике повышало четкость внутренних критериев. Второй тип, напротив, давал на критику негативную реакцию, которая блокировала его способность к саморегуляции.

Благодаря именно такой модели эксперимента можно было достоверно установить, в какой мере личность ориентирована на оценку окружающих, в какой мере она противопоставляет свои критерии успеха критике или одобрению окружающих. Таким образом, вторая модель была более явным доказательством автономности личности: в первой серии о самостоятельности свидетельствовал лишь факт обращения к социально-психологическим критериям, во второй — способность сохранить уверенность и даже противопоставить свои критерии социально-психологическим.

Способ реагирования на критику или одобрение оказался критерием социально-психологической открытости, закрытости или нейтральности личности, что раскрывает механизмы ее ответственности. Обнаружился тип, открытый настолько, что одобрение окружающих ставил выше очевидного для себя неуспеха; нейтральный, т. е. не нуждающийся в одобрении или порицании в силу уверенности во внутренних критериях; наконец, закрытый к социально-психологическим воздействиям. Причем закрытый тип в противоположность нейтральному не опирался на собственные внутренние критерии, был закрытым

во всех отношениях: негативное отношение к критике было столь эмоционально, что блокировало саморегуляцию. Однако к нейтральному принадлежал не только тип, не нуждавшийся в одобрении и порицании в силу уверенности в себе, но и тип неуверенный, который сохранял неуверенность и при одобрении и при критике.

Если в первой серии именно неуверенные обращались к социально-психологическим опорам, то здесь была выявлена более глубокая степень неуверенности: когда социально-психологическая поддержка не смыкается с внутренними трудностями, не снимает их, а внутренние трудности не создают мотива для обращения к социально-психологической поддержке.

Эксперименты второй серии обнаружили, что инициатива возникает в трех случаях: при установке на успех, при четкости ответственных критериев саморегуляции, т. е. при уверенности личности в достижении результата, и, наконец, как форма ухода от ответственности. При установке на неуспех обнаруживается отсутствие идентификации через субъекта. При установке на неуспех ответственность принимается, но активность ограничивается, т. е. направлена только на то, чтобы избежать прогнозируемого неуспеха.

Таким образом, мы получили подтверждение гипотезы, согласно которой при четкости внутренних критериев саморегуляции уверенность, обеспечив деятельность в рамках необходимости, перерастает в инициативу. Личность проявляет инициативу, предварительно обеспечив достижение результата в пределах необходимого.

Однако иногда инициатива становится способом ухода от ответственности в сферу свободы, фантазии, необязательного, что и является свидетельством неприсвоенной необходимости.

Таким образом, наше исследование двух случаев ответственности: в первой части взятой на себя в силу внутренней потребности (если такая возникала), во второй части взятой в силу внешних обстоятельств — подтвердило нашу гипотезу о том, что критерием полноты принятия ответственности является возникновение на ее основе инициатив, т. е. приведение необходимости в соответствие с потребностями, желаниями личности. Взятие ответственности связано с выходом за пределы необходимости, расширением контура деятельности в направлении инициатив.

Если ответственность принимается частично, то инициативы (ей по ходу эксперимента предшествовавшие) сокращаются, упрощаются, сужаются, личность действует строго в пределах заданного пространства. Не имея собственных критериев саморегуляции, она прибегает к внешним критериям и опорам. Построенная на основе первой части исследования, типология содержала оптимальную форму связи ответственности с инициативой и другие формы неполного принятия ответственности, ее частичного осуществления и т. д. Для раскрытия внутренних механизмов различных форм ответственности был применен метод семантического интеграла, состоявший в определении комплекса притязаний, характера саморегуляции (четкости ее критериев и уверенности) и удовлетворенности. На основе комплекса этих показателей и была построена новая типология, которая выявила, с каким комплексом притязаний, саморегуляции и удовлетворенности связаны разные формы ответственности.

Полное принятие ответственности обнаруживается прежде всего в характере притязаний, в которых должно выступить наличие требований к самому себе, установка на преодоление трудностей. Фактором, препятствующим ответственности, является установка на успех в глазах окружающих, стремление к публичности, установка на легкий успех. По характеру саморегуляции полное принятие ответственности связано с уверенностью и собственными критериями

саморегуляции. (Наличие-отсутствие уверенности выявлялось специальным методом разведения знака оценок и реальной успешности деятельности.) Неполное принятие ответственности проявлялось в неуверенности и обращении к внешним критериям. Неуверенность в свою очередь проявлялась в неспособности отстоять свои критерии при негативных оценках и в отказе от своих критериев ради заведомо неадекватных позитивных оценок. По показателю удовлетворенности полное принятие ответственности характеризовалось связью удовлетворенности с инициативой, проявленной в ходе деятельности, но не с притязаниями.

Если личность стремится осуществить деятельность только инициативным путем, не беря на себя ответственности, не помышляя о том, что она является ответственным лицом, то требования, необходимость деятельности, не присвоенная собственной активностью, выступают как принудительные, неожиданные. Это ведет и к эмоциональному дискомфорту личности, и к неудовлетворенности, и в итоге к утрате инициатив. Напротив, если деятельность осваивается только через формы ответственности, ограниченные достижением результата, уходом от неуспеха, то отсутствует полнота самовыражения, а потому полнота удовлетворенности. Проявляясь в деятельности, присущие личности формы инициативы и ответственности определенным образом моделируют пространство активности. Они могут ближе подходить к контуру деятельности или вообще не вписываться в него. Требования деятельности могут приниматься слишком буквально или слишком узко, безответственно или произвольно.

На первый взгляд характеру ответственности как присвоенной внешней необходимости должно быть свойственно обращение к внешним социально-психологическим критериям и опорам. На самом деле основным при ответственной реализации является: чувство уверенности в своих силах, наличие четких собственных критериев и способность их отстоять, что позволяет понять ответственность как поведение добивающегося, настойчивого типа. Однако выявились случаи, когда личность, обращаясь к внешним критериям, тем не менее сохраняет уверенность в их реализации, т. е. варианты разных сочетаний этих критериев, разные формы, разные механизмы реализации ответственности.

Сравнение обеих частей исследования позволяет выявить различия между случаем ответственности в силу внутренней и в силу внешней необходимости. Первый случай (представленный двумя первыми типами) выявил ответственность как устойчивое качество личности, как бессознательную готовность к ответственному поведению, постоянное подразумевание себя ответственным лицом. Другой случай — это принятие ответственности через осознание идущей извне необходимости. Первый случай выявил ответственность как качество личности, второй — как ответственный способ осуществления деятельности. Но именно принципиальное различие этих случаев повышает ценность общего результата, состоящего в том, что присвоенная ответственность ведет к инициативе. Сравнение обеих частей исследования, представляющего ответственность как качество личности и как личностную характеристику деятельности, позволяет сделать важный вывод, что ответственный способ осуществления деятельности может быть доступен и личностям, не имеющим ответственности как устойчивого качества в своей структуре.

Наше исследование, выявившее довольно дифференцированные критерии поведения ответственного типа, показало, что способными к ответственному поведению могут быть и лица, обладающие исполнительностью как устойчивым качеством, и лица, по типу личности амбициозные, стремящиеся к популярности и т. д. Одновременно выявились слабые, ненадежные звенья присущего им ответственного поведения. Поэтому их способ принятия ответственности,

опирающийся на ее осознание, должен стать не просто осознанием необходимости. Объектом их сознательного контроля должны стать те звенья деятельности, саморегуляции, которые представляют собой слабые участки с точки зрения типа их личности.

Исследование показало, что оптимальной может быть признана такая связь инициативы и ответственности, которая существует между ними как устойчивыми качествами личности. Однако на основе предыдущих исследований очевидно [4], что у отдельных личностей инициатива может преобладать над ответственностью и, наоборот, инициатива может противоречить ответственности и т. д. Данное исследование обнаружило оптимальное соотношение инициативы и ответственности в психологической структуре деятельности. На первый взгляд кажется, что оптимальность структуры деятельности предполагает исходность, инициативы. Ведь инициатива — это начало деятельности, формирование мотивов субъекта, их свободное соотнесение с условиями на стадии целеобразования. Более того, существующее психологическое определение деятельности признает в качестве своего предмета только ту, которая отвечает мотивам, потребностям, т. е. инициации субъекта. Ответственность и строгость критериев возникает как будто только в связи с достижением результата, как его предвосхищение и гарантия его. достижения. Однако наше исследование показало, что не важна сама по себе последовательность инициативы и ответственности. Деятельность может начаться инициативно, но не перерасти в ответственную реализацию и, наоборот, начаться ответственно, но не перерасти в инициативное ее осуществление.

Эти данные позволяют сделать вывод об условиях, необходимых и достаточных для того, чтобы личность выступила в качестве субъекта деятельности, об оптимальности структуры субъекта деятельности. Таким условием является принятие необходимости, т. е. приведение ее в соответствие с потребностями личности, имея в виду потребности самовыражения, признания и т. д. Эти потребности наиболее выпукло обнаруживаются в притязаниях личности, в ее установках, каждый раз возникающих по отношению к каждой данной деятельности. Наиболее оптимальной является форма притязаний, связанных с требованиями к себе по обеспечению и достижению результата. Здесь проявляется добровольность ответственности. Если потребность, мотив достижения не становится требовательностью к себе, то ожидания обращаются в основном к окружающим, выступают как претензии, чтобы они обеспечили условия деятельности, как ожидания легкого результата. На основе притязаний первого типа появляется гибкость саморегуляции, обширность стратегий, вариативность принятия решений, поскольку личность опирается на надежные внутренние критерии, уверена в них. В иных случаях, например, чрезмерная рефлексивность погашает активность жестким самоконтролем; напротив, завышенные притязания оборачиваются своего рода авантюризмом, неприятием во внимание реального хода деятельности.

Из этого следует важнейший вывод о том, что необходимость должна быть адекватно соотнесена не только с потребностями, но и со способностями личности. Уверенность — это качество личности или ее состояние в процессе осуществления деятельности, которое возникает при оптимальном совпадении требований и способностей их выполнить, обеспечить. Именно включение способностей позволяет личности расширить контур своей активности по отношению к необходимому, требуемому, т. е. проявить инициативу. Несомненно, что способности ярко проявляются уже в характере притязаний личности, но в характере саморегуляции они проявляются на деле. Способность как обобщение, как возможность одновременно воспринимать, воспроизводить, осуществлять

множество параметров одновременно и приводит к расширению контура активности.

Построенные типологии: в первой части исследования форм ответственности по характеру ее связи с инициативой, во второй — по комплексу параметров семантического интеграла — не являлись самоцелью исследования. Они выступили как теоретико-экспериментальный путь изучения активности личности, средство построения моделей активности. Построению типологий предшествовала разработка теоретических моделей активности, в которых вскрывался комплекс возможных параметров исследуемого явления и закладывалась гипотеза о характере их связи [6]. Например, при построении типологии связи инициативы и ответственности выдвигалось предположение о возможных направлениях их связи и подлежащие замеру параметры. Гипотезы о возможном направлении связи инициативы и ответственности определяли основные варианты естественного эксперимента: в одном — от инициативы к ответственности, в другом — наоборот. Потребность в замере гипотетически определяемых параметров также задает направление и способ моделирования эксперимента: измеряемые параметры должны выступить в нем как однозначный ответ на гипотетически предполагаемую связь (эксперимент-крюцис). Так, например, эксперимент первой серии был построен так, что ответ на основную гипотезу мог быть только однозначным (предложив автору замысла роль его постановщиков, мы затем по его ответу могли однозначно судить, предполагал ли он себя в этой роли или нет, т. е. была ли в его инициативе заложена исходно связь с ответственностью). Вместе с тем другие параметры должны были варьироваться так, чтобы можно было получить, выявить реальное разнообразие форм инициативы и ответственности.

Метод построения типологии в таком его понимании является надежным принципом системного исследования. Он дает возможность выявить оптимальную форму ответственности — полное принятие необходимости как переход к инициативе. Однако типология раскрывает не линейность действия этой зависимости, как обычно, а показывает многомерный характер закономерности посредством анализа других форм ответственности, других типов. Последние выявляют действие закономерности перерастания ответственности в инициативу не в чистом, а в осложненном другими (противоречащими, нейтрализующими и т. д.) тенденциями виде. Оптимальной формой связи инициативы и ответственности оказывается идентификация через субъекта. Типология не просто выявляет другие варианты этой связи, а раскрывает действие других тенденций или причин, осложняющих, нейтрализующих или, наоборот, усиливающих действие этой идентификации. Например, один из полученных типов позволяет понять, что определенный характер притязаний (установка на успех, гласность и т. д.) нейтрализует идентификацию, препятствует ей. Наличие множества типов раскрывает картину действия закономерности в превращенном, осложненном, нейтрализованном другими тенденциями виде. Одновременно связь ответственности с инициативой через идентификацию предстает как оптимальный случай, форма активности личности, т. е. одновременно обнаруживаются границы действия закономерности и критерии установления этих границ.

Типология как метод противостоит, таким образом, линейно-одномерному методу исследования, который не ведет к наращиванию в эксперименте теоретически значимых критериев, поскольку они не адекватны гипотетической одномерной связи. Каждый из полученных в исследовании типов выступил не только как вариант связи инициативы и ответственности, но и как комплекс и даже интеграл различных причин, условий и форм ее действия. Поэтому типология имеет несимметричную методологию интерпретации каждого типа. Иными

словами, не все критерии могут быть сквозными типобразующими для всех групп. Например, чаще всего при построении типологии два-три критерия в разных типах выступают в разных сочетаниях. В первой части нашего исследования сначала по одному критерию испытуемые делятся на две, затем уже по другому — на четыре группы. Параметр, образовавший два первых типа, вообще уже не мог быть применен к последующим группам.

Эксперимент всегда дает большое число эмпирических параметров, отношение которых к прогнозируемым не очевидно. Отсюда и возникает задача последующего дополнительного эксперимента. Поэтому типологии строятся на сочетании количественных и качественных методов. Например, при построении типологии в исследовании особенностей временной организации личности первоначально гипотетически вводилось лишь два критерия: активность-пассивность и пролонгированность-ситуативность. Однако сразу же возникла проблема, какой же критерий является исходным основанием деления на две первых группы — активность-пассивность или пролонгированность-ситуативность. Однако и тогда, когда путем эксперимента активность-пассивность выявилась как исходный критерий, возник второй вопрос: подразделяется ли на ситуативных и пролонгированных только группа активных или обе. Это требует нового критического эксперимента для выявления статуса второго параметра в типологии как сквозного или нет.

Мы разработали метод построения прогрессивных типологий, при котором каждая последующая строится на основе ведущих критериев, выявленных предыдущей. Каждая теоретическая модель последующей типологии выступает как однозначная модель проверки гипотез, полученных на основе первой. Например, при исследовании и построении типологии деятельности организаторского типа (носящей индивидуальный характер) были выявлены разные типы, профили и уровни активности. На этом основании был сформулирован прогноз поведения каждого типа в совместной деятельности, на его основе разработана гипотетическая модель взаимодействия разных типов в двух группах и, наконец, на его основе — гипотеза о характере взаимодействия двух групп между собой. Рекомендации о способах соединения разных типов в две группы по разным параметрам, которые были уже характеристиками группового взаимодействия, и легли в основу второй типологии [4].

Особенно сложной является задача построения последовательного ряда типологий по разным параметрам, решение которой дает ответ на вопрос о характере, мере плотности связи этих параметров. Например, построив типологию по характеристикам качества и уровня мыслительной деятельности, удалось ее соединить с типологией личности по активности и характеру временной регуляции. Однако последующая типология, построенная по комплексу оценочно-самооценочных отношений личности, с ними никак не соотносилась. Это свидетельствовало о том, что социально-психологическая позиция личности, представленная комплексом оценочно-самооценочных отношений, несовместима с общепсихологической структурой личности и типами ее мышления.

Однако удалось найти типологию, которая явилась связующим звеном между общепсихологической и социально-психологической типологиями. Типология когнитивных стилей или способов социально-психологического познания обнаружила в самом общем виде, что совмещение типа мышления, соответствующего ему общепсихологического типа личности с социально-психологическим типом и его когнитивным стилем происходит по-разному внутри каждого типа. Например, что соответствие типа мышления и когнитивного стиля устанавливается только через один тип личности, взятый как со своей общепсихологической, так и социально-психологической структуры. В целом эти

четыре типологии очерчивают возможное пространство поисков связи мышления с личностными особенностями, ее социально-психологической позицией и когнитивным стилем.

Методологически проблема построения типологий имеет целый ряд открытых вопросов, нуждающихся в специальном обсуждении и исследовании (например, поставленная еще Кеттелом проблема о пределе дробления признаков, о промежуточных типах, о числе типов и др.). Проблема типологии стоит прежде всего как методологическая, при этом имеется в виду методология перехода от теории к эксперименту и обратно. Типология как метод исследования дает возможность разработать гипотезы, которые определяют принцип построения эксперимента, с одной стороны, и этим экспериментом они однозначно отвергаются или подтверждаются при одновременном прогрессивном наращивании эмпирических данных в эксперименте, что в свою очередь углубляет и уточняет структуру исходных моделей и задает круг вопросов, нуждающихся в дополнительном экспериментальном выяснении, — с другой.

Типология как метод адекватна системному принципу исследования: она позволяет вскрывать многомерные и многовариантные зависимости. В силу охвата различных параметров одновременно она позволяет раскрыть причины, например, таких явлений, как пассивность. Последняя выступает не просто как противоположность или отсутствие активности, а как результат действия разнонаправленных тенденций, погашающих друг друга.

Через сравнение разных типов возникает общая многомерная картина пределов действия закономерности, ее разных форм проявления, совокупности тенденций, с которыми она связана. Такая картина в свою очередь дает возможность разработки практических рекомендаций по целому ряду оснований. Возникает возможность организации требований деятельности применительно к особенностям активности личности — рекомендаций усилить ответственность или инициативность на том или ином этапе. Возникает возможность строить совместную деятельность с учетом профилей активности личностей, входящих в состав коллектива, гибко используя механизмы оценки, гласности и т. д.

Имея диагностику личностных качеств, адекватных для инициативного ответственного способа осуществления деятельности, можно более прицельно осуществлять воспитание в процессе деятельности, более точно расставлять кадры. Социальная стимуляция общественной активности может строиться более градуированно с учетом психологических знаний об инициативе и ответственности как важнейших качествах личности и способах осуществления деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 46, ч. II, с. 109-110.
2. О созыве очередного XXVII съезда КПСС и задачах, связанных с его подготовкой и проведением. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. — Правда, 1985, 24 апр.
3. *Абульханова-Славская К. А.* О путях построения типологии личности.—Психол. ж., 1983. т. 4, № 1, с. 14—29.

4. *Абульханова-Славская К- А.* Социально-психологические аспекты активности личности.— В кн.: Социально-психологические проблемы производственного коллектива. М., 1983, с. 7—21.
5. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М., 1984., с. 326 и др.
6. *Лосев А. Ф.* Логическая характеристика методов структуральной типологии.— Вопр. языкознания, 1967, № 1, с. 24—46.
7. *Леонгард К.* Акцентуированные личности. Киев, 1981.
8. *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л., 1983.
9. Из научного наследия Сергея Леонидовича Рубинштейна.—Вопр. психологии, 1979, № 5, с. 138—150.
10. *Юнг К.* Психологические типы. М., 1924.
11. *Aronfreed J.* Moral development from the Standpoint of a general psychological theory.—Moral development and behaviour: Theory, research and social issues. N. Y., 1976.
12. *Heider F.* The psychology of interpersonal relations. N. Y., 1958.
13. *Helkama K.* The development of the attribution of Personality.—Critical surgery of empirical research and a theoretical outline. Helsinki, 1979.
14. *Harvey J. H., Harris B., Barnes R. D.* Actor-observer differences in the perceptions of personsibility and freedom.—J. Personal and Social Psychol., 1975, v. 32, p. 22—28.
15. *Kohlberg L.* Stage and sequence: The cognitive-developmental approach to socialization.— In: Handbook of socialization theory and research/Ed. Goslin D. Chicago, 1969,, p. 347—480.
16. *McClelland D., Atkinson J. W., dark R. A., Lowell E. L.* The achievement motive. N. Y., 1976.
17. *Vorweg M.* Persönlichkeitspsychologische Grundlagen der Verhaltensmodification.— In: Psychologie im Sozialismus. Theoretische Positionen, Ergebnisse und Probleme" psychologischer Forschungen /Ed. Kossakowski A. B., 1980, S. 161—169.
18. *Yung C. G.* Das Unbewusste im normalen und kranken Seelenleben. Leipzig—Stuttgart, 1926.